

DOI <https://doi.org/10.51647/kelm.2021.3.2.11>

DIALOG O. PETROVOI ZE SREBRNYM WIEKIEM: REMINISCENCYJNA SPECYFIKA ODMIANY „TEKSTU RZYMSKIEGO”

Svitlana Fokina

*kandydat nauk filologicznych,
docent Katedry Literaturoznawstwa Ogólnego i Słowiańskiego,
doktorant*

Odeskiego Narodowego Uniwersytetu imienia I.I. Miecznikowa (Odessa, Ukraina)

ORCID ID: 0000-0002-2406-0978

e-mail: svetlana_fokina@ukr.net

Adnotacja. W artykule dokonano analizy wiersza współczesnego poety-emigranta Aleksandry Petrovoi „Z karminowych wzgórz najeżonego Rzymu...”. Ten tekst poetycki nie otrzymał wcześniej szczegółowej interpretacji badawczej, a wprowadzenie go do poszukiwań naukowo-badawczych warunkuje niewątpliwą nowość. Celem artykułu jest ujawnienie dialogu O. Petrovoi z głównymi przedstawicielami kobiecej linii srebrnej epoki na materiale wybranym do analizy wiersza. Metodologia badania przedstawia kompleksową interakcję podejść i strategii analizy, w tym zrozumienie różnych aspektów zjawisk świadomości emigracyjnej, współczesnego rosyjskiego „tekstu rzymskiego”, semiosfery spojrzenia, kontekstu kulturowego i geograficznego, chronotopu Ostii, jungowskich interpretacji kobiecej hipostazy, kodów erotycznych. Głęboki dialog z dziedzictwem Srebrnego Wieku, w szczególności z tekstami A. Achmatowej i M. Cwietajewej, jest znaczący dla autora książki wierszy „Tylko drzewa” jako współczesnego poety-emigranta nie tylko pod względem nostalgii i identyfikacji. Włączenie głosów innych ludzi do dyskursywnych kontekstów współczesnego wiersza O. Petrovoi tworzy pożywkę dla osobistych twórczych poszukiwań i charakterystycznego spojrzenia na świat.

Słowa kluczowe: poeta emigrant, Srebrny Wiek, Ostia, O. Petrova, A. Achmatowa, M. Cwietajewa, konteksty dyskursywne, kody erotyczne.

DIALOGUE OF A. PETROVA WITH THE SILVER AGE: REMINISCENT SPECIFICS OF THE VARIATION OF THE “ROMAN TEXT”

Svitlana Fokina

*Candidate of Philological Sciences, Doctoral Candidate,
Associate Professor at the Department of General and Slavic Literature
Odessa I.I. Mechnikov National University (Odessa, Ukraine)*

ORCID ID: 0000-0002-2406-0978

e-mail: svetlana_fokina@ukr.net

Abstract. The article analyzed the poem of the modern emigrant poet Alexandra Petrova “From the Carmine Hills of the Paved Rome...”. This poetic text has not previously received an extensive research interpretation and the introduction of it into the scientific research search determines the undeniable novelty. The purpose of the article is to identify the dialogue of A. Petrova with bright representatives of the female gender line of the Silver Age on the material chosen for the analysis of the poem. The research methodology presents a comprehensive interaction of approaches and analysis strategies, including understanding various aspects of the phenomena of emigration consciousness, the modern Russian “Roman text”, the semiosphere of view, the cultural and geographical context, the Ostiensis chronotope, Jungian interpretations of female hypostasis, erotic codes. A deep dialogue with the heritage of the Silver Age, in particular with the lyrics of A. Akhmatova and M. Tsvetaeva, is significant for the author of the book of poems “Only Trees” as a modern emigrant poet, not only in terms of nostalgia and identification. The inclusion of other people’s voices in the discursive contexts of the modern poem by A. Petrova creates a breeding ground for personal creative searches and an original view of the world.

Key words: emigrant poet, Silver Age, Ostia, A. Petrova, A. Akhmatova, M. Tsvetaeva, discursive contexts, erotic codes.

ДИАЛОГ А. ПЕТРОВОЙ С СЕРЕБРЯНЫМ ВЕКОМ: РЕМИНИСЦЕНТНАЯ СПЕЦИФИКА ВАРИАЦИИ «РИМСКОГО ТЕКСТА»

Светлана Фокина

*кандидат филологических наук, докторант,
доцент кафедры общего и славянского литературоведения
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова (Одесса, Украина)*

ORCID ID: 0000-0002-2406-0978

e-mail: svetlana_fokina@ukr.net

Аннотация. В статье осуществлен анализ стихотворения современного поэта-эмигранта Александры Петровой «С карминовых холмов ощеренного Рима...». Данный поэтический текст ранее не получал развернутой исследовательской интерпретации, и введение его в научно-исследовательский поиск обуславливает несомненную новизну. Цель статьи – выявить диалог А. Петровой с яркими представителями женской гендерной линии

Серебряного века на материале избранного для анализа стихотворения. Методология исследования представляет комплексное взаимодействие подходов и стратегий анализа, включая осмысление различных аспектов феноменов эмиграционного сознания, современного русского «римского текста», семиосферы взгляда, культурно-географического контекста, остийского хронотопа, юнгианских интерпретаций женской ипостаси, эротических кодов. Глубинный диалог с наследием Серебряного века, в частности с лирикой А. Ахматовой и М. Цветаевой, значим для автора книги стихов «Только деревья» как современного поэта-эмигранта не только в плане ностальгии и идентификации. Включение чужих голосов в дискурсивные контексты современного стихотворения А. Петровой создает питательную среду для личных творческих поисков и самобытного взгляда на мир.

Ключевые слова: поэт-эмигрант, Серебряный век, Остия, А. Петрова, А. Ахматова, М. Цветаева, дискурсивные контексты, эротические коды.

Введение. Несомненно интерес гуманитаристики к феномену русского интеллектуала-эмигранта. Пристальным представляется также исследовательский взгляд литературоведческой мысли как на наследие русских литераторов-эмигрантов, так и на становление современного эмигрантского литературного процесса. В данном контексте Александра Петрова – одна из знаковых фигур современной русской эмигрантской поэзии. Показательно внимание критики к ее поэтическим книгам, о последней из которых («Только деревья») верно заметила С. Сандлер: «Перетекание одного стихотворения в другое ощущается сильнее от того, что у многих в конце опущена точка...» (Сандлер, 2008б: 7). Такая открытость границ, несомненно, соответствует и феномену пограничного эмигрантского сознания, и духу переходной эпохи. Рассмотрение лирики А. Петровой в контексте вышеотмеченной пограничности уже намечено. В данном плане могут представлять интерес как научные размышления С. Сандлер, так и точка зрения автора данной статьи. С. Сандлер прослеживает, что «в стихах Александры Петровой, которая жила в Тарту, Петербурге, Иерусалиме, а теперь живет в Риме, отражается опыт современных поэтов, часто пересекающих национальные границы» (Сандлер, 2008а). Трансгрессивный характер сознания А. Петровой во многом становится основой ее поэтической оптики. Автором данного исследования в рамках предшествующих научных изысканий уже было замечено, что «для авторского мифа Александры Петровой показателен феномен идентификации при сознательной установке на ее неосуществимость как в рамках пола, так и в плане объекта ностальгии и поиска своего истинного “я”» (Фокина, 2020а: 25). Новизна предложенного материала обусловлена как выбором объекта – стихотворения А. Петровой, еще не получившего исследовательской интерпретации, так и предметом – связями современной эмигрантской поэзии с поэтической культурой Серебряного века.

Основная часть. Цель статьи – выявить диалог А. Петровой с яркими представителями женской гендерной линии Серебряного века на материале стихотворения «С карминовых холмов ощеренного Рима...». Эта цель позволила определить **задачи** исследования: 1) осмыслить признаки эмигрантского сознания в тексте А. Петровой; 2) проанализировать остийский локус как специфический подвид «римского текста»; 3) рассмотреть знаковые переключки с наследием А. Ахматовой и М. Цветаевой.

Методологическую базу исследования определило диалоговое поле, генерируемое различными подходами, связанными с изучением смысловых комплексов, затрагиваемых в той или иной мере в поэтическом тексте А. Петровой. Исследовательский процесс позволил опереться на соответствующие концепции ученых. Данный интегративный подход помог осмыслить феномены: эмиграционного сознания (О. Матич), современного русского «римского текста» (К. Скандура), семиосферы взгляда (М. Ямпольский), культурно-географического контекста (Д. Замятин), остийского хронотопа (Г. Буассье, Ю. Циркин), юнгианских интерпретаций женской ипостаси (Г. Башляр, Ш. Салман, К.Г. Юнг), эротических кодов (Р. Барт, А. Эткнд). Перечисленные исследовательские установки способствовали формированию категориального аппарата и стратегий анализа реминисценций поэтов Серебряного века в «остийском» стихотворении А. Петровой.

В книге стихов «Только деревья» используется поэтическая маска «пастуха вещей», что, «помимо пасторальности, акцентирует внимание на семиотическом аспекте номинации» (Фокина, 2020: 159). В данном контексте показательно внимание А. Петровой к мифологемам, архетипам, истории и этимологии. Такой ракурс продолжает одну из линий Серебряного века, проявляющуюся как «модернистская одержимость идеей происхождения» (Матич, 1996: 174). Не менее значима авторская трансформация различных проявлений традиции и канона, что соответствует духу переходной эпохи и взгляду на мир эмигранта как носителя пограничного сознания.

Для А. Петровой приоритетно включение в ткань своего текста, а шире лирической системы, аллюзивных пластов, связанных с интенциями Серебряного века. По мнению К. Скандуры, «обнажая присутствие чужих голосов внутри авторской речи, современные поэты говорят не о Риме, а о русской поэзии, какой она видится из Рима» (Скандура, 2011: 530). Образы, мотивы и лирика в целом, избираемые в качестве «зеркала» и формирующие соответствующий дискурсивный контекст «римской элегии» А. Петровой, позволяют современному поэту-эмигранту не только вступить в диалог с любимыми поэтами, но и в рамках такой позиции обрести свой неповторимый поэтический голос.

*С карминовых холмов ощеренного Рима,
где ветер Остии щекой коснётся, лежавшей
на железистом песке,
и мы вставляли с блёстками на коже и больше не могли
глядеть в глаза,
которые когда-то целовали.*

*Да и тоска по этим дням была чуждой,
как маска на стене оставленной квартиры,
что ты когда-то в шутку надевала,
сливаясь с разделённым пополам
на чёрное и жёлтое. Но вот
она висит одна в пустом пространстве,
захлопни дверь, – и власти нет её.*

*Прилив покинутых вещей бросал,
как будто вождь к ногам красавицы добычу, –
бутылки, мяч, чехлы случившейся любви
(на языке аборигенов – профилактик).*

*Кто побывал в оставленных предметах?
Кто в мяч играл? Быть может, криминолог
хоть часть портрета мог бы воссоздать.
Но память – что дитя пред фотошопом
или преступник, что свои следы
от самого себя старается упрятать.
И образ твой – что образ башмака,
летающего в волне навстречу ночи.
Прибой выбрасывает мусор, память, спам,
он скальпелем блестит и кровоточит,
готовя почву тем бессовестным цветам (Петрова, 2008: 52).*

Для прочтения подтекста анализируемого стихотворения А. Петровой значимы мифологические женские ипостаси, связанные с запретом прощального взгляда. В данной связи показательна мысль М. Ямпольского, что «в зрении обыкновенно человек как бы существует вне собственного тела, вместе со взглядом наше сознание проецируется вовне» (Ямпольский, 2001: 167). Так прощальный взгляд в мифологическом плане оборачивается своего рода зеркальным самоотжествлением смотрящего с запретным объектом.

Важность темы визуального контакта, его запрет или невозможность для А. Петровой – знаковый смысловой комплекс. Как носителю лиминального типа сознания, автору книги стихов «Только деревья» присущ взгляд-отождествление. Поэт-эмигрант ориентирован трансгрессивностью своей социальной и мировоззренческой позиций «достраивать собственную идентичность в соответствии с изменившимися бытийными условиями» (Демидова, 2015: 163). Восприимчивость поэтической оптики, превращающая попадающий в свою орбиту объект в ностальгический, способствует, как в случае с Остией, зарождению лирического сюжета.

Вышеописанная отражательная способность может проявляться и в плане выбора интертекстов, реализующих диалог А. Петровой со знаковыми поэтами-предшественниками. По верному наблюдению С. Сандлер, «Петрову, похоже, мало беспокоит тот факт, что ее будут судить по стандартам эмоционального накала, заданным Мариной Цветаевой <...> и словесной чистоты – тут планку установила Анна Ахматова...» (Сандлер, 2008). Диалогичность поэтического сознания А. Петровой, совмещающая пограничность статуса эмигранта, черты аполлиника и дионисика, установку на семиотизацию и мифологизацию действительности, стимулирует необходимость упрочнения своих литературных корней, объединяющих цветаевскую страстность и ахматовскую гармонизацию.

Учитывая эмигрантский статус А. Петровой и исторический факт затопленности Остии, можно вспомнить миф о жене Лота и непосредственно стихотворение А. Ахматовой «Лотова жена»:

*Взглянула – и, скованы смертною болью,
Глаза ее большие смотреть не могли;
сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли (Ахматова, 1990: 153)*

Лотова жена в ахматовской интерпретации явлена внешне вне прямого отождествления, но, видимо, скрыто соответствует формуле стать «точкой отсчета для толкования и предсказания собственной жизни» (Цивьян, 2008: 308). Выбор столь знакового женского образа, представляющего объектом, притягивающим взгляд лирического нарратора, потенциально задает интенции идентификации. Со своей стороны, А. Петрова имплицитно продуцирует сближение лирического «я» своей «римской элегии» и образа Лотовой жены, причем именно «ахматовского». Такой авторской конвергенции способствует история гибели античной Остии, вполне соответствующая уходящей под воду Гоморре. Не менее значим сюжетобразующий мотив соли, подразумевающий как соляной столб, так и слезы. Согласно римской легенде, для царя Анка Марция Остия была привлекательна не только как порт, но и «нахождением в ее районе соляных варниц» (Циркин, 2020: 173).

Остийский локус в стихотворении А. Петровой *С карминовых холмов ощеренного Рима...* активизирует один из «наиболее интересных когнитивных контекстов исследования географических образов» – «контекст гения и места» (Замятин, 2008). Название *Остия* переводится с латыни *уста, устье*, и данный спектр значений вплетается А. Петровой на разных уровнях в ткань лирического сюжета. Тема уст актуализирует

мотивы поцелуя, любовного влечения, говорения. Подобное единение мотивов любовной лихорадки и исповеди прослеживается и в лирическом дискурсе М. Цветаевой, являющейся, похоже, высокочтимым предшественником и одним из любимых поэтов А. Петровой.

В стихотворении современного поэта-эмигранта можно усмотреть реминисценции из цикла «Федра» (1923), признанного одной из вершин эротической лирики М. Цветаевой. С первой частью этого цветаевского цикла – «Жалоба», стихотворение А. Петровой объединяет тема песка, соответствующего вулканическому пеплу, засыпавшему Геркуланум, с которым цветаевская Федра сравнивает свою испепеляющую страсть:

*Точно в ноздри и губы – пыль
Геркуланума... Вяну... Слепну...
Ипполит, это хуже пил!
Это суше песка и пепла!* (Цветаева, 1997: 172)

Для М. Цветаевой упоминание погребенного в 79 году н. э. от извержения Везувия Геркуланума становится метафорой всепоглощающего эроса. История гибели вышеупомянутого античного города, находившегося на западе от вулкана и благодаря вулканической лаве хорошо сохранившегося, вызывает ассоциации с судьбой остийского локуса. Остия Антика расположена на западе от Рима и в Средневековье была затоплена. При раскопках археологи были уверены, что, «убрав все эти обломки, найдут остатки большого города» (Буассье, 1915: 306). Остия Антика сохранила свой античный облик именно благодаря покрывавшим ее долгое время песку и илу.

Второе стихотворение цветаевского цикла, озаглавленное «Послание» и начинающееся словами «Ипполиту от Матери – Федры – Царицы – весть», сближается с текстом А. Петровой суггестивностью воздействия, раскрытием потаенного и соответственно исповедальным духом:

*Утоли мою душу! (Нельзя, не коснувшись уст,
Утолить нашу душу!) Нельзя, припадая к устам,
Не припасть и к Психее, порхающей гостье уст...
Утоли мою душу: итак, утоли уста.* (Цветаева, 1997: 173)

По мнению Р. Войтеховича, «Федра говорит и за себя, и за Психею... <...> ... имитируя картину гибельного и бурного любовного соития» (Войтехович, 2008: 83). Эротические коды вышеприведенных цветаевских строк при ментальной перекодировке в стихотворении А. Петровой «С карминовых холмов ощеренного Рима...» моделируют ситуацию взаимного отражения и соответственно мерцания смыслов. Так теме уст, раскрытой у М. Цветаевой в эротическом и одновременно духовном, даже мистическом планах, соответствует в лирическом сюжете А. Петровой Остия, этимологически означающая «уста».

Этимология названия Остии как «устье» также задает вехи развития лирического сюжета А. Петровой, обыгрывая мотивы водной стихии. Тема впадения Тибра в море открывает ряд значений: внутренних и родовых связей, перехода в иное состояние, разрыва с прошлым. Подвижность и глубина воды потенциально задают парадигму смыслов: «течение <...>, погружение, растворение и очищение» (Салман, 2014: 115). Такая символическая нагрузка в контексте лирического сюжета стихотворения А. Петровой означает способность к трансформациям и погружению в запредельное: новое место жительства, подсознание, инобытие. Для А. Петровой как поэта-эмигранта показательным стремление строить лирический сюжет на противопоставлении прошлого и настоящего, причем как разных темпоральных сфер бытия лирического «я», так и временных пластов существования Остии.

Результаты исследования. Эротические подтексты в стихотворении современного поэта-эмигранта трансформируют ситуацию, когда «любовь имеет другой своей стороной желание уничтожения своего объекта...» (Эткинд, 1994: 147). В стихотворении акцентируется ощущение покинутости, одиночества, забвения (*И образ твой – что образ башмака, / летящего в волне навстречу ночи*). Изначально такой тематический спектр связывается с любовными мотивами (*... и больше не могли глядеть в глаза / которые когда-то целовали*). А. Петрова по природе своего поэтического вдохновения – певец разрыва, в чем явно следует М. Цветаевой, хотя в более смягченном, элегическом варианте. В отличие от цветаевского болевого принципа обнажения сокровенного, А. Петрова выносит сферу страстей лирического «я» по большей части в подтекст.

Женская ипостась затонувшей Остии задает отсылку к образу Офелии, в частности к его переосмыслению М. Цветаевой в стихотворении «Диалог Гамлета с совестью»:

*– На дне она, где ил
И водоросли... Спать в них
Ушла, – но сна и там нет!
– Но я её любил,
Как сорок тысяч братьев
Любить не могут!
<...>
– Меньше,
Всё ж, чем один любовник* (Цветаева, 1997: 199).

Эта переключка позволяет активизировать как образ ила, некогда покрывшего Остию Антику, так и идею близнечности, возможности обретения лирической героиней брата – мотив, столь излюбленный А. Петровой. Лирическому дискурсу А. Петровой присуще стремление обыгрывать «мифологемы двойничества,

близнечности, метаморфоз и трансформаций» (Фокина, 2020: 25). На страницах книги стихов «Только деревья» предстают близнецы – брат и сестра – в качестве потенциальной и разрозненной любовной пары. Показательны мифологические корни представлений о любовном союзе близнецов как единстве «двух мифологических противоположностей, одну из которых воплощает брат, а другую – сестра» (Иванов, 1991: 175). Близнечный миф А. Петровой также неожиданным образом вписывается в римский контекст, отсылая к истории братьев-соперников Ромула и Рема. Тема прилива укрепляет эту ассоциацию, если вспомнить, что близнецы были пущены в корзине по водам Тибра. Так близнечная тематика перекодируется в трагический модус. Возвращением же к образу сестры-возлюбленной становится Остия.

Мифопоэтические коннотации водной стихии и так называемый комплекс Офелии актуализируются А. Петровой в тексте стихотворения. Гибель Офелии показательна двумя факторами. Во-первых, поглощением героини водой – стихией «смерти в цвету» и «мазохистского самоубийства» (Башляр, 1998: 122). Во-вторых, пробуждением в оплакивающем мужчине максимально женской составляющей его характера. Не менее значимо стремление лирического «я» обрести в качестве близнеца свое альтер эго. Эротические коды «римской элегии» в контексте авторского мифа А. Петровой высвечивают два плана подобной братской любви: низменный – инцестуальный и возвышенный – архетипический. К.Г. Юнг отмечал, что «анима характеризуется также «окультурной» связью с “мистериями» (Юнг, 1996: 197) и может предстать в виде «sorog или filia mystica <“сестры” или “тайнственной дочери” (лат.)> иерофанта или “философа”...» (Юнг, 1996: 119). Пара анима/анимус вполне традиционно проецируется как на влюбленных, так и символически на брата и сестру. Если М. Цветаева переосмыслила знаменитые слова Гамлета на могиле Офелии, подчеркивая недолюбленность и отсутствие страсти к покойной, то А. Петрова трансформирует и шекспировский, и цветаевский вариант. В контексте интенций современного поэта-эмигранта сравнение любви Гамлета с братской при соответствующей интенсивности страсти (*Как сорок тысяч братьев*) в отличие от решения темы М. Цветаевой становится признанием глубинного характера любовного чувства.

В лирической системе М. Цветаевой существует взаимосвязь отвергнутых и гибнущих от своей страсти героинь – Федры и Офелии. В заданных лирическим сюжетом А. Петровой рамках роль возлюбленного, согласно предложенной Р. Бартом формуле, определена «только страданием или удовольствием, которое он <...> доставляет» (Барт, 1999: 211). А. Петрова при создании поэтического текста об Остии совмещает эротический и меланхолический модусы, ориентирована на стихи М. Цветаевой о неразделенной любви. Современный поэт-эмигрант вслед за М. Цветаевой моделирует определенным образом любовную коммуникацию. В цветаевском варианте страсть Федру испепеляет, а Офелию погружает в ил. Историческая память Остии, претерпевшей наводнения, семиотически соответствует эмигрантской тематической парадигме оторванности от привычного, изменений, трансформаций, метаморфоз. Мотивы моря и прибоя становятся воплощением подсознания и коллективного бессознательного, родовой преемственности и памяти культуры.

Выводы. Концовка стихотворения представляется неоднозначной, что усиливает буквальная открытость финала: отсутствие точки или даже многоточия в последней строке (*Прибой выбрасывает мусор, память, спам, / он скальпелем блестит и кровоточит, / готова почву тем бессовестным цветам*). Помимо значимости темы памяти для стихотворения, весь текст которого маркирован как своего рода загадка, последняя строка наиболее неоднозначна, неясна и наполнена поливалентными мерцающими смыслами. Упомянутые «бессовестные цветы», трагически обыгрывая известное выражение «Дети – цветы жизни», могут означать потомков и наследников, призванных хранить, но не всегда чтящих память о прошлом и своих корнях. В качестве другого важного эквивалента «бессовестных цветов» могут выступать цветы лотоса, вносящие тему забвения и победы над ним, отсылая к истории лотофагов и Одиссея – безумца-притворщика, сеющего соль, первого ностальгика и эмигранта. Линия Серебряного века, как своего рода подстрочник анализируемого поэтического текста, а шире модус модернистской поэзии, актуализирует в концовке стихотворения А. Петровой название книги стихов Ш. Бодлера «Цветы зла», столь излюбленной русской культурой. Бодлеровские реминисценции позволяют выявить и скрытый библеизм «отделяйте зерна от плевел», обретающий и смысл преемственности в контексте эмиграции современного автора. Кровоточащий скальпель отзывается аллюзивным переосмыслением цветаевских строк: *Леты подводный свет, / Красного сердца риф. / Застолбенел ланцет / Певчее горло вскрыв* (Цветаева, 1997: 141). А. Петрова, внешне обыгрывая мотивы безвозвратного отсечения прошлого, на уровне подтекста укрепляет свои литературные корни. Завершающим смысловым звеном интертекстуального подстрочника становится отсылка к ахматовскому хрестоматийному: *Мне ни к чему одические рати / И прелесть элегических затей. <...> Когда б вы знали из какого сора / Растут стихи не ведая стыда* (Ахматова, 1990б: 277). Глубинный диалог с наследием Серебряного века, в частности с лирикой А. Ахматовой и М. Цветаевой значим для автора книги стихов «Только деревья» как современного поэта-эмигранта не только в плане ностальгии и идентификации. Включение чужих голосов в дискурсивные контексты современного стихотворения А. Петровой создает питательную среду для личных творческих поисков и самобытного взгляда на мир.

Список использованных источников:

1. Ахматова А. Сочинения в 2 т. Т. 1. Москва : Правда, 1990. 448 с.
2. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. Москва : Ad Marginem, 1999. 432 с.
3. Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи. Москва : Издательство гуманитарной литературы, 1998. 268 с.
4. Буассье Г. Археологические прогулки по Риму. Москва : М. и С. Сабашниковы, 1915. 350 с.

5. Войтехович Р. Марина Цветаева и античность. Москва : Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. 448 с.
6. Демидова О.Р. Изгнание как послание: эстетизм и этос русской эмиграции. Санкт-Петербург : Русская культура, 2015. 352 с.
7. Замятин Д.Н. Пространство и эпоха: географические образы в «Скифах» Александра Блока. *Вестник Евразии: Языкознание и литература*. 2008. № 1. С. 21–30.
8. Иванов В.В. Близнечные мифы. *Мифы народов мира*: в 2. т. Т. 1 : А–К / [глав. ред. С.А. Токарев]. Москва : Советская Энциклопедия, 1991. С. 174–176.
9. Матич О. Диаспора как остранение (русская литература в эмиграции). *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры*. Санкт-Петербург. 1996. Т. 2. № 2. С. 158–179.
10. Петрова А. Только деревья. Третья книга стихов / [предисловие С. Сандлер]. Москва: НЛЮ, 2008. 62 с.
11. Салман Ш. Творческая душа: главное наследие Юнга. *Кембриджское руководство по аналитической психологии* / под ред. П. Янг-Айзендрат, Т. Даусона. Москва : Добросвет, КДУ, 2014. С. 95–120.
12. Сандлер С. Похвальное слово переводу. *Новое литературное обозрение*. 2008. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/1/pohvalnoe-slovo-perevodu.html>
13. Сандлер С. Поэт как перемещенное лицо: предисловие. *Только деревья*. Москва : НЛЮ, 2008. С. 5–12.
14. Скандура К. Рим лежит где-то в России: современные русские поэты о Риме. *Образы Италии в русской словесности* / ред. О.Б. Лебедева, Т.И. Печерская]. Томск : Том. ун-т, 2011. С. 520–530.
15. Фокина С.А. Мифологема одиссеевых странствий в ностальгическом дискурсе поэта-эмигранта Александры Петровой. *Innovative scientific researches: European development trends and regional aspect*: [collective monograph]. Riga : Baltija Publishing, 2020. 22–43.
16. Фокина С.А. Пасторальные коннотации ностальгического дискурса Александры Петровой. *Закарпатські філологічні студії*. 2020. Т. 3. Вип. 13. 156–160.
17. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2 : Стихотворения; Переводы / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина]. Москва : ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. 592 с.
18. Цивьян Т. Кассандра, Дидона, Федра. Античные героини – двойники Ахматовой. *Язык : тема и вариации : избранное : в 2 кн. Кн. 2 : Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика*. Москва : Наука, 2008. С. 306–319.
19. Циркин Ю. Б. История Рима. Царский Рим в Тирренской Италии. Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. 516 с.
20. Эткинд А. М. Эрос невозможного: Развитие психоанализа в России. Москва : Гнозис; Прогресс-Комплекс, 1994. 376 с.
21. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев : Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 251 с.
22. Ямпольский М. О близком: (Очерки немиметического зрения). Москва : Новое литературное обозрение, 2001. 240 с.

References:

1. Ahmatova A. (1990). Sochinenija v 2 t. [Works in 2 vol.]. Т. 1. [Vol. 1]. Moskva: Pravda.
2. Bart, R. (1999). *Fragmenty rechi vljublennogo* [Fragments of the speech of the lover]. Moscow: Ad Marginem. [in Russian].
3. Bashljar, G. (1998). *Voda i grezy. Opyt o voobrazhenii materii* [Water and greets. Experience about the imagination of matter]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury. [in Russian].
4. Buass'e, G. (1915). *Arheologicheskie progulki po Rimu* [Archaeological walks in Rome]. Moscow: M. i S. Sabashnikovy. [in Russian].
5. Cirkin, Ju. (2020). Istorija Rima. Carskij Rim v Tirrenskoj Italii [History of Rome. Royal Rome in Tyrrhenian Italy]. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena. [in Russian].
6. Civ'jan, T. (2008). Kassandra, Didona, Fedra. Antichnye geroini – dvojniki Ahmatovoj [Cassandra, Didona, Fedra. Ancient heroines are Akhmatova's doppelgangers]. *Jazyk: tema i variacii: izbrannoe v 2 kn.* [Language: theme and variations: favorites: in 2 vol.]. Кн. 2: *Antichnost'. Jazyk. Znak. Mif i fol'klor* [Vol. 2: Antiquity. Language. Sign. Myth and folklore. Poetics]. Pojetika. Moscow: Nauka. pp. 306–319.
7. Cvetaeva M. (1997). *Sobranie sochinenij: v 7 t.* [Collected works: in 7 vol.]. T.2: *Stihotvorenija; Perevody* [Vol. 2: Poems; Translations]. Moscow: TERRA; Knizhnaja lavka – RTR. [in Russian].
8. Demidova, O. (2015) *Izgnan'e kak poslan'e: jestezis i jetos russkoj jemigracii* [Exile as a messenger: esthesis and ethos of Russian emigration]. St. Petersburg: Russkaja kul'tur. [in Russian].
9. Fokina S.A. (2020). Mifologema odiseevykh stranstvij v nostalgicheskom diskurse pojeta-jemigranta Aleksandry Petrovoj [The mythology of Odysseus wanderings in the nostalgic discourse of the emigrant poet Alexandra Petrova]. *Innovative scientific researches: European development trends and regional aspect*: [collective monograph]. Riga: Baltija Publishing. Pp. 22–43.
10. Fokina S.A. (2020). Pastoral'nye konnotacii nostalgicheskogo diskursa Aleksandry Petrovoj [Pastoral connotations of the nostalgic discourse of Alexandra Petrova]. *Zakarpats'ki filologichni studii*. Т. 3. Vyp. 13. Pp. 156–160.
11. Ivanov, V. (1991). Bliznechnye mify [Twin myths]. *Mify narodov mira v 2. t. Т. 1: A.–K.* Moscow: Sovetskaja Jenciklopedija. Pp. 174–176.
12. Jampol'skij, M. (2001). O blizkom: (Oчерki nemimeticheskogo zrenija) [About close: (Essays on non-mimetic vision)]. Moscow: NLO. [in Russian].
13. Jetkind, A. (1994). Jeros nevozmozhnogo: Razvitie psihoanaliza v Rossii [Eros of the impossible: The development of psychoanalysis in Russia]. Moscow: Gnozis; Progress-Kompleks. [in Russian].
14. Jung, K.G. (1996). Dusha i mif: shest' arhetipov [Soul and myth: six archetypes]. Kiev: Gosudarstvennaja biblioteka Ukrainy dlja junoshestva. [in Russian].

15. Matich, O. (1996). Diaspora kak ostranenie (russkaja literatura v jemigracii) [Diaspora as an defamiliarization (Russian literature in exile)]. *Russian Studies: Ezhekvartal'nik russkoj filologii i kul'tury*. St. Petersburg. T. 2, № 2. Pp. 158–179.
16. Petrova, A. (2007). *Tol'ko derev'ja* [Only trees]. Moscow: NLO. [in Russian].
17. Salman, Sh. (2014). *Tvorcheskaja duša: glavnoe nasledie Junga* [Creative soul: Jung's main legacy]. Kembridzhskoe rukovodstvo po analiticheskoj psihologii [Cambridge Guide to Analytical Psychology]. Moscow: Dobrosvet, KDU. pp. 95–120.
18. Sandler, S. (2008). Pohval'noe slovo perevodu [Commendable word for translation]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/1/pohvalnoe-slovo-perevodu.html>
19. Sandler, S. Pojet kak peremeshhennoe lico: predislovie [Poet as a displaced person: preface]. *Tol'ko derev'ja* [Only trees]. Moscow: NLO. Pp. 5–12.
20. Skandura, K. (2006). Rim lezhit gde-to v Rossii: sovremennye russkie pojety o Rime [Rome lies somewhere in Russia: modern Russian poets about Rome]. *Obrazy Italii v russkoj slovesnosti* [Images of Italy in Russian literature]. Tomsk: Tomsk. un-t. Pp. 520–530.
21. Vojtehovich, R. (2008). *Marina Cvetaeva i antichnost'* [Marina Tsvetaeva and antiquity]. Moscow: Dom-muzej Mariny Cvetaevoj. [in Russian].
22. Zamjatin, D. (2008). Prostranstvo i jepoha: geograficheskie obrazy v «Skifah» Aleksandra Bloka [Space and era: geographical images in the “Scythians” of Alexander Blok]. *Vestnik Evrazii: Jazykoznanie i literatura*. № 1. Pp. 21–30.